

РОССИЯ И РОССИЯНЕ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ МОНГОЛОВ

© 2018 В. ТЕРЕНТЬЕВ

DOI:10.31857/S032150750000869-7

Исследуются образы России и россиян, бытующие в национальном сознании современных монголов. Прослеживается переход от образа СССР как старшего брата к современным моделям восприятия и интерпретации нашей страны. Все представления о нашей стране в Монголии выражены тремя основными образами - это, кроме теряющего свою актуальность постсоциалистического образа братства, образы северного соседа (позитивно-нейтральная оценка) и страны-окупанта-агрессора (негативная оценка). Отдельно прослеживаются текущие условия и источники формирования данных образов.

Ключевые слова: Монголия, образы России, национализм, национальное самосознание

RUSSIA AND RUSSIANS IN THE EYES OF CONTEMPORARY MONGOLS

Vladislav I. TERYTYEV, PhD (History), history teacher, Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar branch (vlad33@bk.ru)

The article examines the images of Russia and the Russians existing in the national consciousness of the contemporary Mongolians. The transition from the image of the USSR as an older brother to the modern models of interpretation of our country. Popular image of the older brother in the socialist period in the Mongolian People's Republic is losing its relevance, along with the passing of the «Soviet» Mongols generation who were educated in USSR or in Soviet educational institutions in Mongolia. Nevertheless, the conditions that form the positive image of Russia are: proverbs and sayings related to the theme of brotherhood, the people's memory, the activities of Russian official organizations (the Russian Embassy in Mongolia, the Russian Center for Science and Culture in Ulaanbaatar). As well as, the objective geographical location of Mongolia, bordering in the north with the Russian Federation and in the south with the PRC affects the positive image of Russia. In the widespread Sinophobic conditions in Mongolia, Russia acts as a neutral (more profitable) partner, a reliable defender against potential Chinese aggression. The modern images of Russia and the factors influencing their formation are analyzed as follows. First, the image of Russia as a northern neighbor (a positive-neutral assessment) is considered as a strategic partner. Secondly, the image of Russia as an aggressor country (negative assessment) was formed due to Internet and nationalist discourses. In conclusion, the conditions that will influence Mongolia's choice of the actual image of Russia and the Russians, is outlined.

Keywords: Mongolia, the images of Russia, nationalism, national identity

В начале XX в. всех иностранцев европейского вида, приезжавших на территорию Внешней Монголии, местные жители называли оросууд, т.е. «русские» [1, с. 90]. Такая ситуация сохранялась и в 1930-е гг., как минимум, в сельской местности [2, с. 596]. Конечно, это было связано с присутствием здесь сначала большого числа подданных Российской империи, а затем - советских граждан. После 1990 г. количество иностранцев в Монголии стало расти, а доля россиян в их общей численности - стремительно уменьшаться. По данным Иммиграционной службы Монголии, в конце 2017 г. здесь постоянно проживало свыше 25 тыс. человек из 117 стран мира, россиян среди них - менее 2 тыс. человек [3].

Сегодня, когда я иду по улицам Улан-Батора, прохожие, не учившиеся в Советском Союзе или России, будут принимать меня, преимущественно, за англичанина или американца, пытаюсь наладить со мной диалог на «родном» для меня английском языке. А получившие образование в нашей стране (в основном, пенсионеры или бывшие

интеллигенты, люмпены, ведущие асоциальный образ жизни), которых я называю «советскими» монголами, безошибочно узнают во мне выходца из России и начинают вести оживленную беседу, зачастую просто по причине безответной любви к СССР, России и русскому языку.

Очевидно, что в сознании «советских» монго-

ТЕРЕНТЬЕВ Владислав Игоревич, кандидат исторических наук, преподаватель истории Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г.В.Плеханова. Монголия, 210351, Улан-Батор, пр. Мира, 131 (vlad33@bk.ru)

лов сформировался устойчивый положительный образ типичного россиянина, и, как выражаются многие из них, теперь им сразу видно по моему лицу, откуда я приехал. Они уже не спрашивают меня о стране, а сразу хотят уточнить город моего рождения. «Советские» монголы по-прежнему видят современную Россию и россиян старшими братьями по отношению к монголам, которые всегда придут на помощь, по-братски, безвозмездно. Это - первый образ, с рассмотрения которого и начнем данное исследование.

Тема изменения отношения монголов к нашей стране в процессе перехода от социализма к демократии уже не раз рассматривалась как в специальной литературе, так и в публицистике. В западных публикациях она связана с пересмотром советско-монгольских отношений с позиций постколониального подхода. В своей критике и деконструкции образа братства авторы (К.Каплонски, Д.Снит) отталкиваются от заведомо ложного подхода, который уже подвергался критике [см.: 4, с. 131-134].

Британские антропологи и идущие вслед за ними монгольские исследователи (такие как Л.Мунх-Эрдэнэ и Баабар), не имея возможности выбраться из паутины своих методологических взглядов либо не желая мыслить иными категориями, сопоставляют иногда советское присутствие в Монгольской Народной Республике (далее - МНР) с опытом британского колониального господства в Индии. В таком случае, чем западные исследователи, сохраняющие в своем мировидении пережитки времен «холодной войны», отличаются от активно критикуемых ими советских историков, строго придерживавшихся марксистско-ленинских взглядов? Вопрос риторический.

Ранее в науке освещалась тема образов Монголии в России, противоположной проблематике посвящено гораздо меньше исследований (существуют статьи, анализирующие образ России в монгольских СМИ [5, с. 89-96], среди монгольской молодежи [6] и в контексте распространения в Монголии русского языка [7; 8]).

Меня интересует исключительно современное положение дел, поэтому досоветский и советский периоды не рассматриваются, и не ставится целью заурядная констатация отмирания риторики братства, но предпринимается попытка разобраться в условиях, которые влияют на формирование и поддержание как старых образов, так и новых.

Постсоциалистический образ или образ братства распространен среди «советских» монголов и сохраняется за счет исторической памяти народа. В основе образа - социалистическое наследие и риторика пролетарского интернационализма. Несмотря на то, что данный образ теряет свою актуальность в изменившейся исторической и политической ситуации, он продолжает транслироваться такими организациями, как Россий-

ский центр науки и культуры в г. Улан-Батор (представительство Россотрудничества), через публикации в СМИ* и в публицистических изданиях. Так, РЦНК совместно с Обществом дружбы «Монголия-Россия» выстраивает культурную модель межгосударственных взаимоотношений через ежегодно проводимые в октябрь-ноябре Дни российско-монгольской дружбы и сотрудничества, уходящие корнями в советское прошлое.

Эти мероприятия, по мнению простых монголов, в т.ч. и «советских», с которыми мне приходится общаться, имеют слабую рекламу и проводятся, в первую очередь, для официальных лиц: монгольских политиков и бизнесменов, представителей российской дипмиссии и бизнесменов. Автор не раз присутствовал на открытии и закрытии обозначенных Дней и видел, что, действительно, кроме указанных гостей, среди зрителей присутствовали, в основном, учителя и школьники средних общеобразовательных школ Улан-Батора с преподаванием на русском языке (в первую очередь, это школа при Посольстве РФ в Монголии, школа при Улан-Баторском филиале РЭУ им. Г.В.Плеханова и Совместная Российско-Монгольская школа № 3) и специально приглашенные гости из России. В течение месяца традиционно проводятся встречи политиков двух стран по торгово-экономическим, межрегиональным и приграничным вопросам, семинары по вопросам преподавания русского языка, праздники русского языка в аймаках, конкурсы чтецов (в основном среди школ с преподаванием на русском языке) и книжные выставки. В этих акциях фактически не участвуют рядовые граждане Монголии, в т.ч. и «советские» монголы.

Средний возраст членов Общества дружбы уже давно перешел пенсионный порог. Активной молодежи в его рядах не наблюдается. Постепенно эта культурно-фестивальная модель российской общественной дипломатии отходит на второй план, и в будущем она естественным образом трансформируется, поэтому образ братства будет растворяться в новых дискурсах. Тем не менее, одним из ресурсов поддержания позитивного образа России является русский язык, престиж которого после смены идеологии в стране падает. Отметим кратко его современное положение в Монголии.

Безусловно, вклад РЦНК в пропаганду русского языка в Монголии переоценить трудно. Центр стал единственной организацией в стране, предоставляющей квоты на обучение в российских вузах [7], но не всегда желание изучать русский язык и получать высшее образование в России говорит о любви к нашей родине. В некоторых случаях монгольские абитуриенты и/или их родители

* Одна из недавних статей, написанных в данном ключе [9] (прим. авт.).

ли руководствуются более практичными соображениями: квота - это бесплатная возможность получить качественное высшее образование в России, относительно недалеко от дома. Так, собственно, и многие представители высших слоев монгольского общества отправляют своих детей на обучение в школу при Посольстве РФ в Монголии по причине дешевизны, с их точки зрения, стоимости (около 4,75 млн тугриков в год, или 120 тыс. руб.), а после ее окончания дети продолжают получать образование в одном из американских или европейских университетов.

Говоря о роли русского языка в Монголии, нужно отметить еще несколько проблем.

Во-первых, в отборных процедурах РЦНК участвует только российская сторона без привлечения Министерства образования, науки, культуры и спорта Монголии, которое могло бы оптимизировать и улучшить качество подбора абитуриентов с целью избегания казусов, аналогичных Томскому государственному архитектурно-строительному университету, из которого отчисляется, не доучившись, примерно 60% монгольских студентов.

Во-вторых, не всегда специальности, запрашиваемые монгольскими абитуриентами в российских вузах, соответствуют профессиям, требуемым на монгольском рынке труда, а в самой Монголии не созданы условия для трудоустройства выпускников из российских вузов. Многие из них по возвращении долгое время не могут найти себе работу, либо, предвидя подобный сценарий, стараются закрепиться в России. На примере квот мы видим наследие советской модели сотрудничества в сфере образования, но в нем не хватает одного звена: в МНР были созданы условия и рабочие места для получивших образование в СССР, а в современной Монголии этого нет. СССР в процессе складывания межгосударственных отношений с Монголией не первый использовал риторику братства. В этом отношении советское руководство продолжило 2000-летнюю традицию взаимодействия оседлых и кочевых цивилизаций в центральноазиатском регионе. Ещё в 197 г. до н.э. империя Хань и кочевой народ *хунну* заключили договор «о мире и родстве» (кит. *хэцинь*), по которому эти субъекты вступали в родственные отношения: роль «большого (старшего) брата» отводилась ханьцам, а младшего - *хунну* [10, с. 111]. Договор автоматически занижал статус кочевников, в противовес ему советско-монгольские отношения выстраивались в контексте пролетарского интернационализма, и советский народ на правах старшинства был обязан помочь своему младшему брату совершить переход от феодализма к социализму.

В XX в. СССР был не единственным братом монгольского народа. Естественно, что кроме всех остальных государств-членов соцлагеря, одним из важных братьев МНР, претендующим на старшинство, являлась КНР. Во 2-й половине прошлого века, в период ухудшения советско-монгольских отношений, самая влиятельная газета Китая «Жэньминь жибао» часто использовала словосочетание «братская дружба», освещая свои отношения с Монголией [11, с. 114].

Образ братства имеет важные лингвокультурные и фольклорные особенности, поддерживающие его существование. Так, в монгольском языке нет слова, которое переводится на русский язык нейтрально «брат», есть «старший брат» (монг. *ах*) и «младший брат» (монг. *дуу*). Заняв место старшего брата, Советский Союз, с этнографической точки зрения, вошел в пространство сложных межродственных отношений, присущих монголам, автоматически взяв на себя все обязательства, связанные со старшинством.

Они обусловлены традиционным обществом монголов и отражены в культуре и фольклоре. Старшие обязаны опекать младших, младшие - уважать старших*. Очень показательны в этом контексте некоторые пословицы и поговорки. Например, *ах нь сургаж, дуунь сонсдог* (монг. «старший брат поучает, младший - следует»), *аав ухэхэд ах - аав, ээж ухэхэд эгч - ээж* (монг. «если умрет отец, старший брат - отец, если умрет мать, старшая сестра - мать»). Факт уважительного отношения к бывшему старшему брату прослеживается в том, что в монгольском языке отсутствуют клички-прозвища для русских, кроме совершенно безобидного *шонхор* (монг. «остроносый»).

Итак, образ братства поддерживается «советскими» монголами и не соответствует современной реальности, но продолжает конструироваться официальными российскими организациями через пропаганду русского языка и предоставление квот на льготное обучение в российских вузах, не всегда адекватно оценивая мотивы, которыми руководствуются монгольские абитуриенты. Апеллирование к парадигме советско-монгольского братства при изучении современных российско-монгольских отношений и, в целом, всей монгольской действительности является методологической ошибкой.

Со сменой идеологии отношения между Россией и Монголией развиваются в контексте паритета и равноправия и к началу 2010-х гг. достигли уровня стратегического партнерства [12], хотя до сих пор специалисты в области международных отношений не дали четкой трактовки этого определения. Отмечается, что в ряде случаев оно используется «просто как фигура речи» и зависит от

* Монголы обращаются к своим родителям и ко всем старшим на «вы», причем даже если 5-летний ребенок обращается к своему 7-летнему брату, он неуклонно придерживается этой установки (*прим. авт.*).

ситуации, акторов и целей, которые они ставят в рамках своего партнерства. Данная форма международного сотрудничества должна предоставлять «обоюдный интерес» [13, с. 115, 117], но это не всегда наблюдается при анализе российско-монгольских отношений последних десятилетий*.

С 1990-х гг. в Монголии в отношении России стало все чаще использоваться словосочетание «северный сосед», помимо которого у Монголии есть еще два «соседа»: традиционный «южный» (КНР) и добавившийся в демократический период «третий» - так в литературе именуется совокупность государств Европы, Северной Америки, Республика Корея и Япония. Причем, по высказываниям некоторых политиков и дипломатов, «важнейшим» из последних является США [14, с. 152], которые иногда претендуют стать «единственным третьим соседом» [15].

Пересмотр социалистического периода истории привел к всплеску ксенофобских настроений в отношении России. Монгольский культуролог Б.Батжаргал отмечал, что СССР, как и весь период социалистической истории МНР, в массовом националистическом сознании на фоне мифологизированной реабилитации Чингисхана был дискредитирован, а Советский Союз был объявлен врагом [16, с. 284]. Эта тема и события, связанные с ней, уже не раз освещались специалистами. С середины 1990-х гг. обвинения СССР в оккупации МНР стали звучать все реже, перейдя в разряд маргинальных. Тем не менее, до конца не ушли из монгольского общественного сознания, сформировав образ России как страны-оккупанта-врага, с которым контрастирует второй образ России, сгенерированный в 1990-е гг., - «образ северного соседа».

Большинству современных молодых монголов, не говорящих по-русски, идея братства далека. Позитивное отношение к России в ряде случаев формируется в ситуации сопоставления двух соседей. Китай в обыденной повседневности воспринимается монголами как враг и реальная угроза национальной идентичности и независимости страны (подробнее см.: [14]), особенно когда 90% монгольского экспорта приходится на эту страну. С этой точки зрения Россия для населения Монголии выступает как нейтральный или более выгодный партнер, надежный защитник от потенциальной китайской агрессии.

Географическое положение Монголии остудило высокий градус русофобии, но представители новой монгольской элиты и некоторые рядовые

граждане игнорируют объективную реальность и акцентируют внимание на выстраивании активных внешнеполитических отношений с «третьим соседом». В контексте беседы о добрососедстве некоторые «советские» монголы утверждают, что если отношения между Россией и Китаем складываются в позитивном ключе, то руководство РФ забывает о Монголии, но если же между великими державами происходят разногласия, то Россия «возвращается в Монголию».

Отчасти добрососедское отношение подтверждается и социологическими данными. Согласно исследованиям монгольского Фонда изучения общественного мнения «Сант Марал» в марте 2017 г., для Монголии лучшим партнером России выбрали 68,6% опрошенных (следующими идут Китай - 22,2%, Япония - 16,8% и США - 16,4%). 34,3% респондентов считают, что с россиянами можно выстраивать дружеские отношения и найти понимание в сотрудничестве (29,5% считают таковыми южных корейцев, 28,7% - китайцев, 9,7% - японцев) [17]. К слову, последние цифры уже не дают повода питать иллюзии в отношении кажущейся важности России как единственного доброжелательного для Монголии партнера.

Образ «северного соседа» содержит положительные ассоциации в массовом сознании. Это основано на дискурсе братства и опять же связано с восприятием соседа в традиционной культуре, когда кочевые хозяйства-айлы в степи находятся на значительном расстоянии друг от друга, а от ближайшего соседа, которого не выбирают, всегда ожидают помощи и поддержки в случае возможного стихийного бедствия. Все это выражается в монгольской пословице «хороший сосед лучше плохого брата». Наряду с этим кочевнику свойственен индивидуализм, привычка полагаться только на свои силы, что может являться одним из корней современного монгольского национализма.

Националистический образ России как страны-оккупанта продолжает влиять на массовое общественное сознание монголов, особенно в условиях депрессивной социально-экономической ситуации. Также он становится актуальным среди политического истеблишмента и ксенофобски настроенных элит по мере поступления в бюджет страны доходов от полезных ископаемых, что выражается в концепции ресурсного национализма. В современной Монголии, стремящейся уйти от комплекса страны-буфера, «зажатой» между Россией и Китаем, национализм, базирующийся на реконструк-

* Несмотря на заявленную в «Декларации о развитии стратегического партнерства...» от 2009 г. «заинтересованность в развитии потенциала» совместных компаний «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет», в июне 2016 г. 49% акций обоих предприятий, принадлежащих российской госкорпорации «Ростех», было продано монгольской стороне. Все это происходит на фоне сокращения российских инвестиций и, в целом, российского присутствия в Монголии. Подробнее см.: Никифоров С. Российское присутствие в современной Монголии. Анализ проблем и поиск решения - http://russiancouncil.ru/blogs/NSO_MGIMO/rossiyskoe-prisutstvie-v-sovremennoy-mongolii-analiz-problem-i-poisk-r/ (accessed 02.04.2018)

ции образов былого величия фигуры Чингисхана и империи, созданной им в XIII в., стал фактически государственной идеологией [18].

Стоит дополнить, что многие монголы не воспринимают свою страну и правящую элиту как националистическую. Об этом можно судить на основании опубликованных комментариев и высказываний по известной статье Д.Асламовой в «Комсомольской правде» еще в 2013 г., в которой приводятся мнения различных представителей современного монгольского общества о России и совместной истории двух стран [19].

По-моему мнению, статья, за исключением некоторой жанрово-стилевой эмоциональности, вполне репрезентативно и объективно иллюстрирует красочную палитру современного настроения монголов в отношении нашей страны. Автор беседовала с монголом - ксенофобом-нацистом, трезво воспринимающими историческое прошлое политиками, «советскими» монголами, российскими дипломатами и представителями отечественного бизнеса. Невзирая на объективность, обусловленную кругом интервьюированных лиц, публикация была воспринята в монгольском обществе как лживая. Читающая публика совершенно не обратила внимания на вполне положительные оценки России многих собеседников Д.Асламовой, сконцентрировавшись исключительно на интервью с монгольским нацистом, с которого и начинается текст.

Негативный образ России и россиян поддерживается монгольскими СМИ, конъюнктурными по своей природе и заметно ангажированными различными политическими кругами [5]. Монгольские СМИ в условиях отсутствия в стране информации о России* особенно сильно влияют на сознание населения. По устоявшемуся мнению, представители молодого поколения (до 30 лет), не учившиеся в России, если и имеют представление о нашей стране, то крайне слабое, ассоциативно сводящееся максимум к личности президента В.В.Путина и чемпионату мира по футболу лета 2018 г.

В процессе формирования отрицательного образа немаловажную роль продолжают играть российские каналы, транслирующие отечественные программы и сериалы, гиперболизировано отражающие российскую обыденность. Одним из подобных, полюбившихся в Монголии сериалов, стал «Бригада», и, словно в продолжение темы, с книжных прилавков не сходит многотомный

бестселлер о русской мафии. С восстановлением в октябре 2014 г. безвизового режима между Россией и Монголией в местных интернет-изданиях стали появляться публикации о возможных негативных последствиях для страны степей: перспективным притоком сюда преступных элементов, наркотиков, оружия и т.п. [20]. Подобные заявления, присущие не только СМИ, но и рядовым монголам, дополняют негативный образ России как криминально-бандитской страны. Но уже буквально спустя пару недель пресса с одобрением стала отмечать рост числа монгольских и российских граждан, пересекающих границу и, соответственно, увеличение количества ввозимых и вывозимых товаров.

Итак, были рассмотрены три ключевых модели восприятия и интерпретации современными монголами России и россиян: образы старшего брата, северного соседа и оккупанта-должника. С момента распада социалистической системы прошло уже почти 30 лет, и налицо, с одной стороны, изменения не только геополитической ситуации в регионе и характера отношений между странами, но и, с другой стороны, - практически полное исчезновение живой информации о России в Монголии. В этом контексте обозначены пути перехода к образам нашей страны, свойственным современному монгольскому национальному самосознанию.

В заключение обозначим условия, организующие сегодня в монгольском обществе образы России и россиян. К обстоятельствам, формирующим негативные образы России и россиян как врагов-оккупантов-должников, принадлежат интернет-дискурсы (истинное поле ксенофобии) и националистические дискурсы. Последние начали создаваться на рубеже 1980-х - 1990-х гг. статьями о массовых репрессиях, проведенных в МНР «по личному указу И.В.Сталина», публикациями, критикующими социалистическое прошлое и, в особенности, работами монгольского публициста, переводчика и государственного деятеля Баабара (Б.-Э.Батбаяр)**. Постепенно эти дискурсы хоть и перешли в разряд маргинальных, но продолжают играть определенную роль среди части монголов.

К условиям, формирующим положительные образы, относятся: фольклорная картина мира (пословицы и поговорки, связанные с темой братства), народная память (в первую очередь, «советских» монголов), деятельность российских официальных организаций (Посольство РФ в Монго-

* Это приводит к тому, что в самой России отсутствует адекватная информация о Монголии, на фоне чего происходит взаимное информационное удаление стран. В Монголии открыто множество представительств иностранных информационных агентств (*Bloomberg Mongolia*, китайские «Синьхуа», «Жэньминь жибао», *CCTV Russia*, японское «Киодо Цусин», корейское *Korea Broadcastind System* и др.). Подробнее см.: Иностранное информационное присутствие в Монголии - http://mongolnow.com/smi_mong.html (accessed 13.04.2018)

** Таковой, например, является его широко растиражированная книга «Не забудь! Иначе погибеть». См. также рецензию на одну из недавних работ Баабара, переведенных на русский язык: Мальцев Д.А. От «правового государства» Чингисхана до «медных труб» СССР // Проблемы национальной стратегии. 2012, № 4 (13).

лии, РЦНК в Улан-Баторе) и объективное географическое расположение Монголии, граничащей на севере с РФ и на юге с КНР.

* * *

Содержание образа нашей страны, который станет в будущем наиболее актуальным в монголь-

ском обществе, зависит, по крайней мере, от двух обстоятельств. Во-первых, от того, какой сосед из трех, предложенных Монголии историей, станет для нее первым; и, во-вторых, от степени российского культурного и информационного присутствия в Монголии, которое практически ничтожно по сравнению с присутствием других стран.

Список литературы / References

1. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Сост. Г.И.Слесарчук. М., 2002. (Vladimirtsov B.Ya. 2002. Publications on the history and ethnography of the Mongolian peoples. M.) (In Russ.)
2. Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии / Сост. Ю.Конагая, С.Баяраа, И.Лхагвасурэн. Осака. 2007. Т. 2. (Simukov A.D. 2007. Publications about Mongolia and for Mongolia) (In Russ.)
3. Новости Монголии. 30.11.2017. (Novosti Mongolii. 30.11.2017) (In Russ.)
4. Михалев А.М. Деконструируя «старшего брата»: опыт постсоветской трансформации в монгольском национализме // Политическая сфера. 2010, № 14. (Mikhalev A.M. 2010. Deconstructing the «senior brother»: Experience of PostSoviet transformation in Mongolian nationalism // Palitychnaya sfera. № 14) (In Russ.)
5. Родионов В.А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии (2000-2013 гг.) // Актуальные вопросы современных российско-монгольских отношений. Улан-Удэ, Изд-во Бурятского госуниверситета. 2014, с. 89-96. (Rodionov V.A. 2014. Political images of Russia in the discursive practices of Mongolian media (2000-2013) // Actual problems of modern Russian-Mongolian relations. Ulan-Ude) (In Russ.)
6. Аюшиева И.Г., Цыренова М.Г. Россия глазами современной монгольской молодежи // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011, № 3. (Ayushieva I.G., Tsyerenova M.G. 2011. Russia through the eyes of the contemporary Mongolian youth // Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. № 3) (In Russ.)
7. Терентьев В.И. Русский язык в Монголии сегодня // Азия и Африка сегодня. 2017, № 9. (Terentyev V.I. 2017. Russian language in Mongolia today // Asia and Africa today. № 9) (In Russ.)
8. Эрдэнэмаам С. Русский язык - одно из средств формирования образа России в монгольском обществе // Русский язык за рубежом. 2007, № 6. (Erdeneemaam S. 2007. Russian language - one of the means of forming the image of Russia in Mongolian society // Russian language Abroad. № 6) (In Russ.)
9. Тамаровская Е. Россия и Монголия: дружба, которой суждено стать еще крепче // Информационное агентство «Мангазeya». 03.04.2018. (Tamarovskaya E. Russia and Mongolia: friendship that will become even stronger // «Mangazeya» News Agency. 04.03.2018) (In Russ.) - <https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/3934739-rossiya-mongoliya-druzhba-kotoroy-suzhdeno-stat-esche-krepche.html> (accessed 05.04.2018)
10. Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2001. (Kradin N.N. 2001. Hunnu Empire. M.) (In Russ.)
11. Цыремпилова В.Э. Эволюция взаимоотношений КНР и Монголии на страницах официальной китайской прессы 50-х - начала 90-х годов XX в. (на материалах газеты «Жэньминь жибао») // Власть. 2016, № 4. (Tsyrempilova V.E. 2016. Evolution of relationships between PRC and Mongolia as reflected by the official Chinese press in the 1950s - the beginning of the 1990s (on materials of «Renmin Ribao») // Vlast. № 4) (In Russ.)
12. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25 августа 2009 г.). (Declaration on the development of strategic partnership between the Russian Federation and Mongolia (Ulaanbaatar, August 25, 2009)) (In Russ.) - http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html (accessed 11.06.2017)
13. Жеглова Ю.Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование: теория, практика, методология. 2014, Вып. 3. (Zheglova Yu.G. 2014. Strategic partnership as a format of interstate relations // Problem analysis and state-management design: theory, practice, methodology. Iss. 3) (In Russ.)
14. Терентьев В.И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. 2016, № 406. (Terentyev V.I. 2016. Images of China and the Chinese in Mongolian national mentality // Tomsk State University Journal. № 406) (In Russ.)
15. Гулевич В. Могут ли США быть единственным «третьим соседом» Монголии? (Gulevich V. Only USA can be exclusive «third neighbor» of Mongolia?) (In Russ.) - <https://topwar.ru/70639-mogut-li-ssha-byt-edinstvennym-tretim-sosedom-mongolii.html> (accessed 06.04.2018)
16. Батжаргал З. К проблеме возрождения культурной традиции в Монголии и России // Культура России и международные отношения. К 1150-летию российской государственности. СПб, Изд-во Политехнического ун-та. 2012, с. 275-285. (Batzhargal Z. 2012. To the problem of the revival of the cultural tradition in Mongolia and Russia // Culture of Russia and international relations. To the 1150th anniversary of the Russian statehood. Saint Petersburg) (In Russ.)
17. Political barometer. № 16 (50) (In Mongolian) - http://www.santmaral.mn/sites/default/files/SMPBE17%20Mar_Extended%20version.pdf (accessed 19.04.2018)
18. Подробнее см.: Терентьев В.И. Монголия: современные механизмы национальной консолидации // Азия и Африка сегодня. 2014, № 5. (Terentyev V.I. 2014. Mongolia: modern mechanisms of national consolidation // Asia and Africa today. № 5) (In Russ.)
19. Асламова Д. Почему русские в Монголии превратились в проклятых оккупантов // Комсомольская правда. 15.08.2013. (Aslamova D. Why did the Russians in Mongolia turn into accursed occupants // Komsomolskaya pravda. 15.08.2013) (In Russ.) - <https://www.kp.ru/daily/26119/3012835/> (accessed 20.04.2018)
20. Uchral B. 24 facts: Risks and opportunities for visa-free travel of our citizens to Russia) (In Mongolian) - <http://www.24tsag.mn/a/67932> (accessed 20.11.2015)